

Ли Шэнцзин на несколько секунд задумалась, а потом хлопнула в ладоши: «Вот это совпадение! И парень, наверное, видный?»

Тот усмехнулся: «Ещё какой».

«Надо как-нибудь познакомиться, всё-таки соседи».

Он с ангельским терпением повторил вопрос: «Значит, если на новогодний ужин пойдём к ним, ты не против?»

Хоть Ли Шэнцзин и была дамой с толстой кожей, но в таком деле всё же призадумалась. Мысль показалась ей неплохой. С госпожой У они в хороших отношениях, их внуки тоже дружат. Почему бы и нет? Она с достоинством приподняла подбородок: «Как они решат».

Се Бэй показал «окей» и развернулся, чтобы уйти. Ли Шэнцзин вдруг спохватилась: спросила-то она, а согласятся ли те?

Она и не подозревала, что приглашение исходило от той стороны.

Тот, кто это приглашение озвучил, сейчас испытывал жуткую неловкость и головную боль. Сгорая от стыда, он вывалил всё в гостиной и готов был провалиться сквозь землю. К его удивлению, реакция оказалась бурной. У Сюфан, конечно же, знала госпожу Ли и была потрясена, узнав, что Се Бэй — её внук. Она замерла на месте, что-то бормоча про себя. Сюй Нанькай удивлённо повернулся: «Се Бэй? Парень-то известный. Ты же с ним в том фильме снимался? Не знал, что вы так близко сошлись. Если у них такая ситуация, то чего бы и не позвать, конечно. Лишних ртов не будет, а веселее станет».

Линь Нянь, подперев щеку рукой, погладила мягкие волосы Сюй Чжичжэня и улыбнулась: «Какой ты уже взрослый. У нас-то проблем нет, но нужно узнать, согласится ли бабушка Ли. Вообще, все искусства — одна семья. Бабушка Ли — художник по костюмам, Се Бэй — актёр, а мы все тут театралы. Общие темы найдутся. Если они не против, приглашай».

Сюй Цзячэн, лишённый права голоса (пульт от телевизора у него отобрали), сидел в сторонке с новеньким Kindle и, как безошибочно догадался Сюй Чжичжэнь, читал Цзинь Юна.

После недолгого обсуждения и паузы У Сюфан, до этого молчавшая, заёрзала с телефоном. Она собралась было позвонить, но засомневалась: «А госпожа Ли в такой час не спит?»

Сюй Чжичжэнь поспешил её остановить: «Наверное, спит! Давай завтра. Я просто так, предварительно спросил. Не торопись».

У Сюфан с укоризной улыбнулась на него: «Спасибо, что сказал, а то я и не знала, что у госпожи Ли такие дела. Новый год — весёлый праздник, а они одни. Внук приехал, а готовить некому... Как раз в этом году много всего наготовила. Чжичжэнь, завтра же сходи к Сяо Бэю, скажи, что у нас всё окей. Если они согласятся, я после обеда сама к госпоже Ли зайду, спрошу, что они любят, нет ли аллергии. Ой, вот будет весело-то в этом году!»

Глядя, как она радуется, Сюй Чжичжэнь не знал, плакать или смеяться. И от этого «Сяо Бэй» веяло такой теплотой, которой он у неё порой недополучал.

Линь Нянь поддержала: «И правда удивительное совпадение. Выходит, этот Се Бэй и с нашим Чжичжэнем однокурсники и соседи по комнате, в Шанхае живут в одном районе, а в Пекине их бабушки и вовсе соседки. Судьба».

У Сюфан оживилась: «Ещё бы! Ты только посмотри — наш Чжичжэнь и Сяо Бэй — оба ребята видные, один к одному. Хорошо, что такие молодцы дружат. Так что и Новый год вместе встречать — самое то...»

Сюй Нанькай еле сдерживал смех: «Мама, вижу, тебе этот Се Бэй приглянулся. Но торопиться не надо, вдруг бабушка Ли не захочет?»

У Сюфан это её озадачило. Ведь правда, не тащить же их силой. Но они же соседи, Новый год на носу, как-то не по-людски оставлять их в одиночестве. Она с трудом пошла на уступку: «Ну... может, тогда им еды отнести? Госпожа Ли хвалила, что я хорошо готовлю. Если не захотят приходить, отнесу им чего-нибудь, что подольше хранится. Будет наше внимание».

Разговор продолжился. По телевизору бубнил бесконечный сериал, в комнате было тепло. Сюй Чжичжэнь сидел на ковре, достал телефон и, поколебавшись над иконками на экране, уже собрался тапнуть, когда пришло сообщение.

На фоне красивого заката Се Бэй лаконично написал:

— Бабушка согласна.

Сюй Чжичжэнь замедлился, а потом медленно расплылся в улыбке до ушей, прикусив нижнюю губу. Он глянул на У Сюфан — та всё ещё обсуждала что-то с Линь Нянь, а Сюй Нанькай уже отлёгся смотреть телевизор.

Он пошевелил пальцами и ответил:

— У нас тоже окей.

— Кстати, есть что-то особо любимое? Или что-то нельзя?

На той стороне несколько раз мигнуло «печатает...», потом на время замерло и наконец пришёл ответ:

— Бабка говорит, ест всё. Я тоже.

— Я просто люблю домашнюю еду.

Пузырёк подбежал с молочным «мяу», потоптался по ноге Сюй Чжичжэня, намекая освободить место. Но парень погрузился в мир телефона и забыл про кошку. Он повалился на спину на мягкий ковёр. Пузырёк, оценив обстановку, осторожно ступила лапкой на него, убедилась, что реакции нет, обнаглела, ловко развернулась на месте и устроилась у него на груди.

Сюй Чжичжэнь машинально обнял кошачье тельце, упёрся лбом в её голову, вдыхая кошачий запах, и ответил:

— Отлично. Моя сестра мастер по домашней кухне. Вам повезло.

Отправил, перечитал, дописал «вам» после «тебе», стиснул зубы, подумал и отправил.

Вся прелесть этой словесной игры, полной намёков и полутонов, вероятно, и заключалась в том, чтобы ловить кайф от самого прекрасного момента зарождающихся отношений. К сожалению, Сюй Чжичжэнь этого ещё не осознавал. Он лежал на полу, сияя неуёмной улыбкой, и уткнулся в телефон. Линь Нянь, случайно взглянув на него, задумалась и отвела глаза.

В итоге они болтали до полуночи, и, отложив телефон, Сюй Чжичжэнь пребывал в лёгком ступоре. Он посмотрел на себя — на нём всё ещё были толстовка и штаны, потом глянул на время в телефоне. Их последний диалог застыл на фразе «Спокойной. Завтра увидимся».

Он оперся головой на руку, посидел в тишине, зевнул и поплёлся в ванную.

Увидимся завтра.

И увиделись рано утром.

У Сюфан проспала и не приготовила завтрак, поэтому Сюй Чжичжэня отрядили за провиантом. В глубине переулка торговали доуцзяном и жареными колечками. Он купил на всех, а проходя мимо ларька с «цзяньбиньгоцзы», почувал дразнящий аромат и решил, что один лишний не помешает. Заказал и стал ждать.

Ларёк стоял прямо на ветру. Сюй Чжичжэнь выскочил в пижаме, накинув пуховик, на ногах шлёпанцы. Натянув вязаную шапку, он замер в очереди. До него оставался один человек.

Он как раз об этом думал, когда сзади его похлопали по плечу.

Не знаю почему, но в голове моментально всплыло это имя. Безо всякой причины. Он просто был уверен, что это он.

Лениво обернувшись, стараясь изобразить полное безразличие, он при виде того всё же невольно затаил дыхание, и сердце ёкнуло. Перед ним предстала голова, закутанная в шарф до глаз. Видны были только они — эти глаза, смотрящие на него, прищуренные от улыбки, невероятно красивые.

Он отвел взгляд. Ощущение было такое, будто он снова стал тем ребёнком, который в кого-то влюбился и не знал, как в этом признаться. Не хотел, чтобы узнали, но и хотел, чтобы догадались. Чувства путались, прятались, и объяснить это было невозможно.

Он подумал, что, возможно, сошёл с ума он. Или сошёл с ума Се Бэй. В общем, между ними что-то было — либо один сумасшедший, либо оба.

В аромате доуцзяна и жареных колечек, под гомон переулка, под шипение и соблазнительный запах сковороды перед ним, в привычном шуме, в переулке, где он вырос, где можно было выскочить в пижаме на улицу, — здесь, в этом месте, стоило обернуться, чтобы увидеть Се Бэя.

Ощущение было странное, будто так было уже много раз. Будто они всегда жили так: вместе росли, вместе выходили зимой в пуховиках за завтраком, а потом, толкаясь и смеясь, возвращались домой.

Он встряхнул головой, пытаясь вытряхнуть из неё дурь, и махнул рукой: «Доброе утро».

Се Бэй снова улыбнулся: «Доброе утро».

Голос его был приглушён шарфом. Как раз подошла его очередь. Сюй Чжичжэнь шагнул вперёд, поставил кулёк с доуцзяном на свободный край прилавка и привычно заказал: «Три, во все яйцо и колбасу, поострее и побольше кинзы». Потом повернулся назад, продолжая болтать: «Только встал?»